

Визави

«Смешлив и смышлен» — это о Хазанове времен «кулинарного техникума». «Мне по душе строптивый норов артиста в силе...» — вспомнилось пастернаковское, когда уходил я с августовского концерта Хазанова, выступившего с новой программой в Театре эстрады. Блистательный путь артистом не пройден — он стремительно поднялся до вершин мастерства и продолжает набирать высоту.

— Геннадий Викторович, на праздновании вашего 50-летия вас назвали великим артистом. Каков эпитет?

— Ну что я могу сказать? (Продолжительная пауза).

— Но вы цену себе знаете?

— Знаю. Но определение «великий» все-таки какое-то не такое. Все дело во времени. У меня, надеюсь, какой-то отрезок жизни еще впереди; никто не знает, как я его проживу.

— Может, вы из «великого» превратитесь в «гениального»...

— Или, наоборот, двинусь назад. Я стараюсь на восхваления не обращать внимания, как бы это ни ласкало самолюбие. Это — тяжелые гири.

— Не кажется ли вам, что юмор сейчас возвели в некий абсолют, чуть ли не в синоним порядочности? А вот, к примеру, у Льва Николаевича Толстого, по воспоминаниям современников, чувство юмора (напрочь) отсутствовало. Итак, вопрос: чувство юмора — желательно или обязательно для человека?

— Мне кажется, что без чувства юмора прожить жизнь иногда тяжелее, чем без зрения и слуха. Оно, это чувство, отличает человека от животного, потому что осязание, обоняние, зрение, слух — все это общее, а вот чувство юмора — эксклюзивное для человека. Я не верю, что у конкретного человека совсем нет чувства юмора. Просто оно бывает очень глубоко спрятано — значит, надо постараться докопаться до тайника. Оно, конечно, всегда индивидуально, но я не верю, что есть люди, совершенно лишенные этого чувства. А если есть, то это надо рассматривать как патологию. Вы спросили: желательно человеку иметь чувство юмора или обязательно. В двух словах ответ — учит так: желательно обязательно.

— Вам приходилось сочинять тексты своих выступлений?

— Нет. Тексты могли быть наговорены и не более того. Это, скажем, «Рассказ о юбилее Гречко», «Рассказ о юбилее Брежнева», что-то еще. Это устные рассказы, перешедшие потом в жанр эстрады.

— Ну а книгу вы пишете?

— Да, я работаю над ней с 92-го года. Ее рабочее название «Монологи, не произнесенные вслух».

— Когда думаете закончить? Пятилетка миновала.

— А куда мне торопиться? Я могу написать за всю жизнь только одну книгу. Это книга о моей жизни и о той жизни, в которой я проживаю свою жизнь.

— Как вы впервые встретились с Аркадием Райкиным? О чем говорили?

— Ни о чем не говорили. Я плакал от счастья, смотрел на него — и все. Это произошло 1 декабря 1960 года на Большой Бронной, у Дома художественной самодельности. Я подошел к Райкину, счищавшему снег с машины.

— Он о вас уже слышал что-нибудь?

— Как он мог обо мне слышать? Он же не в загсе работал, не в золе. Потом мы с ним регулярно встречались, и я был последним человеком на этой земле, который перед погребением великого артиста, попрощался с ним. Я имею в виду прощальное слово.

— Кажется, в конце 70-х годов вы попали в опалу. Помню даже, что ваш концерт в киноконцертном зале «Октябрь» был отменен. Чем вы прощтрафились?

— Тогда я стал очень раздражать московские власти. Гришин был человеком достаточно угрюмым; ему казалось, что я стал вольнодумцем, подрываю основы. Наверное, он был прав. Снятие концерта в зале «Октябрь» было связано со скандалом в Театре эстрады 13 декабря 1984 года. Я играл закрытый спектакль для комсомольского актива Октябрьского района. Концерту предшествовал звонок в театр — во время моего отсутствия в Москве не-

кто просил руководство театра обратить мое внимание на то, что это будет не заурядный концерт, а концерт для особой аудитории. Меня это сильно вывело из себя: я не понимал, что это за разделение аудитории на обычную и необычную, элитарную или наоборот. Я не знаю, что имел в виду человек, который звонил, но меня это выбило из колеи. Это наложилось на неудачный ход спектакля, и когда он кончился, я этой самой «элитной» аудитории стал говорить о том телефонном звонке. Видимо, я был раздражен, агрессивен, так что претензии предъявляю прежде всего к себе. А те, кто принимал репрессивные меры против меня, как теперь выясняется, принесли мне большую пользу: я стал взрослее после этого, ко многому стал относиться иначе.

— Вы могли бы коротко определить ваши отношения с теми властями?

— Это была партизанщина — с моей, конечно, стороны. Они бы-

Фото Олега БУРБОВСКОГО

Геннадий Хазанов:

Век. Москва, 1997. — 20 стр. — с. 5

ЧУВСТВО ЮМОРА ИМЕТЬ ЖЕЛАТЕЛЬНО ОБЯЗАТЕЛЬНО

ли теми, кто партизана ловит и хочет наказать. Времена были уже не те, чтобы, поймав, повесить, сослать или устроить автомобильную катастрофу. Да и так серьезно власти ко мне не относились, скорее — как к расшалившемуся юноше. Ставили меня в угол...

— А ваши взаимоотношения с нынешними властями?

— Я занимаюсь своим делом, они — своим; мне никто не мешает. И потом, если вы заметили, я практически ушел с поля политических разборок. Впервые вульгарной социологии и политической конкретики у меня в программе нет. Это сделано абсолютно сознательно. Я сделал тут все, что мог, и понял, что это — борьба с ветряными мельницами.

— Вернемся к вашей программе. Я смеялся до слез. Но, отсмеявшись, начинаешь думать. Мне кажется, с Лениным «покончили мы счеты», что анекдоты о нем если не устарели, то вот-вот устареют. А вы считаете Ленина вечно живым — в плане анекдотов?

— Безусловно, потому что речь идет не о Ленине, а о нашей потаенной потребности создавать идола. В данном случае никаких претензий к самому вождю мирового пролетариата у меня быть не может, тем более что фигура эта сложная, неоднозначная. И — как бы сказать — он все равно спровоцировал те процессы, которые тайно или явно в мире уже разворачивались. Имею в виду фашизм: красный ли, коричневый.

— Но вот вашей дочери, наверное, все эти ленины, сталины, брежнев, как говорится, «до фени»?

— Правильно. Но такой смеховой истерии, как у молодежи, этот материал не вызывает больше ни у кого. Я давно такого не видел и не слышал. Молодежь смеется над идолопоклонством, над ложными кумирами. А 18—20-летние больше воспринимают, я бы сказал, конструкцию смешного, абсурдности ситуации. Там могла быть другая фамилия, а вовсе не Ленина... Хотя по сей день на всем пространстве, которое раньше называлось СССР, рассеяны бюсты, бюстики, памятники Ленину. Только что я выступал в Запорожье. На сцене за моей спиной стояли два огромных бюста Владимира Ильича.

— Все. О политике ни слова. Несколько слов о Москве.

— Я коренной москвич и обожаю свой город. И без всяких громких слов, без патетики говорю абсолютно искренно: счастлив, что в Москве такой руководитель. Я понимаю, что не надо сотворять кумиров, тем не менее склоняю голову перед талантами нашего мэра. И горжусь тем, что живу в Москве, горжусь — в полном смысле этого слова. Я еду по сегодняшней Москве и испытываю чувство какой-то животной радости от того, что могу показать гостям столицы: посмотрите, в этом городе я живу! Это такое же чувство, какое испытываю, если концерт прошел хорошо, если зрители уходят с него довольные и говорят: «Хороший артист!».

Я живу в центре. Конечно, окраины отличаются от него, я прекрасно понимаю, что процесс «подтягивания» окраин долгий, который не укладывается ни в 5, ни в 10 лет. Ведь я живу фактически в стране, которая называется Москва. Десять миллионов человек — это огромное государство.

— Как складывается карьера вашей дочери?

— Она оттаивала в Большом пять сезонов. Я слышал из уст Владимира Васильева и Вячеслава Гордеева, что она хорошо овладела современной хореографией и может заниматься ею вполне самостоятельно и в рамках Большого театра, хотя я ретроград, и мне кажется, что Большой театр — это храм классической хореографии.

— Вы в хорошей физической форме. Плаваете, бегаєте?

— Я не бегаю, я летаю. Скажу вот что: уже надо следить за весом. У моей жены такой принцип: дом должен быть ухоженным и сытым. И здесь начинаются разночтения: как же быть? Надо приготовить побольше вкусного, а съесть его не могут (смеется).

— Вы счастливый человек?

— Конечно. Я благодарен Богу, судьбе, родителям, жене. И всем своим великим, уже, увы, ушедшим учителям: Райкину, Никулину, Евстигнееву, Брунову. И, слава Богу, и поныне здравствующему дорогому педагогу Надежде Ивановне Слоновой. А моя надежда, мое будущее — это моя дочь.

Беседовал Владимир НУЗОВ